

Среди рижских монархистов и кокаинистов

Борис Инфантьев

Перефразируя известную поговорку о постоянных контактах поляков и евреев, можно утверждать, что латышский писатель не может существовать без русского персонажа. Какие только русские не появляются на страницах латышских романов и лирических стихотворений! Засланный американцами в Латвию шпион-диверсант; власовец в Курземском мешке в противостоянии с советскими бойцами и многочисленными Федьками и Ваньками — батками различных «партизанских» группировок; советские партизаны, приходящие с повинной к латышским шуцманам; «бывшие» люди русского искусства, пытающиеся своими надтреснутыми голосами еще пленять латышскую публику...

На сей раз остановимся на остросюжетном, своеобразном с художественных позиций романе Эрнста Арниса (1888–1943) «Mīlai lēti tie likteņi» («Любви сужденные судьбы»), свет увидевшем в Риге в 1929 г.

Диву даешься, помышляя о некомпетентности наших киношников (как латышских, так и русских), не обративших внимание на сюжет этой дневниковой записи человека разочаровавшегося и в любви, и в порядочности когда-то любимых людей, готового на преступление и его в конце концов совершающего, — и не воспользовавшихся этим остросюжетным сверхприключенческим содержанием. Какие кадры можно было бы снять по материалам этого романа! Освобождение латышского политкаторжанина из Иркутской тюрьмы после Февральской революции. Случайная встреча с

неизвестной красавицей и бурные ночи страсти (с. 23–31). Спасение опрометчивого юноши от верной смерти в клубе «охотников на лисиц», в потемках охотившихся друг за другом со смертельным оружием (с. 34–39). Обладание картой никому не известных золотых приисков с местонахождением бриллиантового клада. Полное самых различных приключений странствование по восточносибирским и монгольским тайгам (с. 40–70), степям, засыпанным песком развалинам бывших поселений вместе с напарником-«помощником», который только и ждет того момента, когда сможет убить своего «соратника» и овладеть ценной картой...

Но оставим перечисление всех возможных кадров для кинематографистов. Нас интересуют события, которые приводят героев повествования в Латвию.

Несмотря на то, что главному герою (он в романе назван Гарьгрива) удалось разделаться (с. 78–80) со своим соперником по добыче золота и брильянтов (он попросту убил его после того, как миновала необходимость в знаниях уроженцем Сибири своего родного края и Монголии), мечты и надежды обрести семейное счастье с Ивонной Райской (так названа героиня романа), оказавшейся примадонной Иркутского драматического театра, рухнули: Ивонна предпочла обладателю несметных сокровищ тихую пристань на лоне богатого мехопромышленника. Но его большевики сразу поставили к стенке, и Ивонне ничего больше не оставалось, как стать любовницей видно-

го чекиста, кстати, бывшего не менее видным полковником царской жандармерии, который, направляясь на дипломатическую службу в Ригу, захватил с собой и Ивонну. Бывшие любовники снова встретились, но Гарьгрива — теперь видный чиновник новой Латвии — наотрез отказался снабдить Ивонну паспортом латвийской гражданки.

Однако это не составило никакой трудности сделать одному министру той же Латвии, на содержании которого оказалась Ивонна.

Но прежнюю любовь так быстро искоренить невозможно. Гарьгрива возобновляет свои прежние отношения с ней, что позволяет ему более чем близко ознакомиться с тем, чем теперь живет Ивонна — что она поделяет в Риге, изменив своей старой профессии артистки.

Но одним только добыванием латвийского паспорта русская эмигрантка-авантюристка не ограничивается, чтобы найти себе в Латвии достойного ее сексапила существования.

«...Эта авантюристка, (с. 81) благодаря своему элегантному такту и способности поступать бесстыже, но с глубоким расчетом, своим все еще прекрасным телом способна сплести из наших чиновников самые причудливые комбинации.

— Ах, прошлой осенью я познакомилась с одним вашим соотечественником. Он, правда, это имение только арендует... Он там организовал что-то образцовое... Но правительство ему предоставило солидное пособие. Вообще, эти ваши правительственные пособия чему-либо образцовому — божественная вещь. И мы, действительно, устроили божественную жизнь в том имении... Грубоватым он был, этот мой друг, но чего от бывшего волостного парня требовать!»

Гарьгрива по-прежнему предан Ивонне Райской. В память счастливых мгновений большой любви в Иркутске он становится орудием ее мести ни в чем неповинному человеку, вся вина которого состоит в том, что он, идейный монархист, в прошлом был другом того самого царского жандармского полковника, ныне высокого ранга чекиста, присланного на дипломатическую службу в Ригу, и с которым его прежняя любовница не может в силу его теперешнего высокого положения свести счеты. Нас мало волнует моральный аспект поступков обоих персонажей латышского романа. Нам важно, что их поступки раскрывают перед нами страницы жизни русской Риги

20-х гг. XX века.

Вместе с Гарьгривой читатель попадает в фешенебельный салон рижских кокаинистов, организованный в самом шикарном районе города. Правды ради следует отметить, что организатором салона в чистых целях наживы является тот самый в прошлом писаришко, теперь — арендатор довольно уютной мызы под Ригой. И салон Ивонны, как констатирует Гарьгрива и как потом эта мысль подкрепляется в полицейском участке, посещается видными в латышской государственной жизни людьми, следовательно — латышами. Но из того, что беседует Гарьгрива именно с русской кокаинисткой, буквально передавая опьяненные кокаином бессвязные речи этой дамы, как бы говорит о том, что посещают этот салон преимущественно русские.

Для нас большой интерес представляет и внешнее описание этой роскошно обставленной квартиры. «Ивонна ввела меня через несколько роскошно обставленных комнат в небольшой сине-сиреневого цвета будуар. Мы пили из маленьких позолоченных чашечек кофе... Но очарование исчезло, как только мы вошли в позолоченный зал, где вдоль стен холодно блистали пустые днища зеркал, и от люстр, окаймленных хрустальной бахромой, лился резкий свет на мебель в стиле барокко».

В роскошном этом клубе не обходится, разумеется, без азартной игры. «Большой обитый зеленой материей стол в задней части зала (с. 85). Там сидели несколько мужчин во фраках и смокингах; между черными пятнами мужчин рельефно выделялись, повторяясь в огромных зеркалах, стены, дамы в элегантных светлых платьях. Там играли в карты — разумеется на деньги, ибо я видел, что игроки один другому придвигали различные денежные купюры. Сама по себе азартная игра не была ничем особенным, но меня удивило, что среди игроков сидели люди, занимавшие высокие должности в государственной службе».

«Напротив, вокруг круглого стола посредине зала, сидело несколько дам в роскошных одеяниях, с глубокими вырезами на груди и спине. На голых шеях сверкало золото, на напудренных грудях блистали драгоценные камни. Там пили вино, смеялись и болтали. Вдоль стен на откидных креслах сидело несколько обособившихся пар, которые живо беседовали. Всех ловко обхаживали слуги, разнося напитки и сладости.

В «излиянии» «стройной русской дамы с

синими кругами под глазами», в общество которой Гарьгрива попал в первое свое посещение салона принцессы Коко, он пытается раскрыть тайны непонятной русской души, как это делают все нерусские.

«Уже с детских ногтей мне казалось, (с. 88) что мир, в котором мы живем, не настоящий. Но затем это чувство сладко смущало разум; я любила уединяться в саду, закрывать глаза и в мыслях изображать настоящий мир. Ах, чего я только не передумала!»

Будучи уверенной в том, что ее собеседник никогда не раздумывал над затронутыми ею вопросами (писатель, очевидно, тем самым хочет подчеркнуть фаустический, действенный склад ума и чувств латышской души в отличие мечущейся славянской), далее продолжает от имени Гарьгривы:

— Ну, тогда вы не знаете, как это прекрасно! Только жаль отказаться от мечты. Труднее всего, когда на сладкое головокружение мечты падает горечь серой жизни. Но всегда еще остается надежда: ты сможешь мечтать, когда только захочешь... Ты можешь уйти в сад, быть одним.

Из продолжения довольно длинного рассказа своей собеседницы Гарьгрива узнает мельчайшие подробности ее пути в царство принцессы Коко: «Когда выходишь замуж, конец всем мечтаниям. Как угар, рассеивается полное боли счастье первых месяцев, пока все опять становится серым, до головокружения однообразным. И когда ты знаешь, сколько пуговиц у каждой рубашки, что будешь готовить с утра, что вечером, отправляясь спать, то...»

Чем хотела закончить свою тираду собеседница Гарьгривы, поясняет завершающий этап беседы с незнакомкой:

«Из стеклянно оцепеневших глаз кричало тупое опьянение кокаином: лицо покрывала до идиотизма блаженная улыбка, а речь была бессвязной и вялой».

Гарьгриву поразила нескрываемая откровенность кокаинистов (с. 90), не стыдящихся на глазах у всех принимать таблетки: «У круглого стола в середине залы еще молодая дама в желтоватом платье с кружевами вынула из глубокого грудного выреза блестящую коробочку, не стыдясь, вынула из нее белую облатку и с улыбкой бросила в вино, затем подняла пенящуюся рюмку вина к свету и мечтательно улыбаясь, наблюдала, как растворяется белый порошок (...). Она закрыла глаза, сияющая

счастливая улыбка рассеялась по нежному белому лицу, затем приблизила рюмку к губам и пила. Боже мой, как она пила! — так, наверное, умирающий от жажды путешественник в пустыне пьет нечаянно найденную воду».

И еще один немаловажный штрих к образу Ивонны Райской и всего того, что творилось в ее и других рижских клубах кокаинистов, с которыми Гарьгрива также познакомилась «волею своей любимой» (с. 104).

Когда герой романа, возмущенный безобразием, творящимся у него, латышского патриота, под носом, обратился в отделение полиции, его высмеяли, отметив, что все «ужасы» кокаинистов ему всего лишь приснились. К тому же полицейские назвали Ивонну Райскую почетной гражданкой, являющейся любовницей очень высокопоставленной особы. Ивонна это подтвердила, повторив слова полицейского, порядком подивившись незнакомому Гарьгривой того, о чем говорит вся Рига.

Пусть даже Ивонна Райская в ее рижских свершениях — плод фантазии автора, но «нет дыму без огня». Как сотрудник и редактор самой популярной и объемистой латышской газеты «Jaunākās ziņas», Арнис Рунцис был в курсе всех рижских сплетен и слухов, распространенных в тех журналистских кругах, в которых он вращался. Если Ивонна Райская — и не реальное лицо, то в какой-то мере все же обобщенный образ всего того, что знал и слышал Арнис о подобного рода русских женщинах, преимущественно связанных с жизнью искусства в Риге и Латвии 20-х годов.

На вопрос Ивонны, не желает ли он познакомиться с настоящими монархистами, бывший политкаторжанин Гарьгрива удивленно спрашивает: «Разве такие еще существуют?» «Вы, латыши, — отвечает Райская, — удивительные люди: живете над пропастью и не верите в ее существование» (с. 117).

Ивонна просит своего друга съездить на встречу монархистов с корыстной целью осуществления своего замысла мщения, о котором уже шла речь. На съезде будет и тот человек, с которым Гарьгрива должен сойтись, чтобы потом...

Это обстоятельство, само по себе весьма неявно сконструированное, позволяет и нам ближе познакомиться как с монархистами, которые вот-вот соберутся в Латвии на свое совещание, так и с русским монархистом, личностью в романе Арниса весьма примечательной.

Совещание проходило с соблюдением строжайшей конспирации (с. 107) где-то в Курземе, в заброшенной мызе посреди дремучей лесной чащобы. Тщательно проверяются документы, в том числе и «председателя латвийских монархистов», каким на короткий срок пришлось стать Гарьгриве. Разговор происходит на немецком языке, которым все присутствующие хорошо владеют.

Сообщения «делегатов», в оценке Гарьгривы, «были пустыми и незначительными (с. 109). Все свидетельствовало о том, что у этих господ нет никаких связей с народом, который они представляли, хотя все стремились подчеркнуть, что таковые имеются. Следовало сообщение «секретаря» о развитии монархических устремлений в Западной Европе, которое неоднократно упоминал председательствующий (приехавший из Германии) в виде немецких принцев и Великого Князя Николая Николаевича.

Гарьгрива все происходящее воспринимал как фарс, в том числе и слова благодарности председательствовавшего за сообщения «делегатов», и пожелания западноевропейских братьев сочувствующим монархизму в молодых государствах.

Ироническое описание происшедшего свидетельствует о том, что автор романа имел довольно смутное представление о монархическом движении в 20-е годы и в Европе, и в Латвии. Или он, как старый революционер, сознательно стремился принизить и опорочить стремления монархистов.

Но кульминацией совещания, которая вызвала у Гарьгривы недоуменный вопрос: «Куда я попал?», — явилась завершающая речь председателя.

«Затем председатель вынул из портфеля поданного секретарем солидную пачку банкнот.

— Верьте мне, господа, мы победим (с. 110). Не оружием, а этими бумажками. Это — франки. Скажу откровенно: они фальшивые, но так хорошо сделаны, что только специалист сможет их отличить от настоящих. Пока в нашем распоряжении еще нет неограниченных ресурсов, но они будут — в ближайшем будущем. Распределяю их между вами. Позже получите указание, где получить эти банкноты по желанию в большом количестве».

Особенно характерна последняя фраза речи «председателя», которая привела Гарьгриву в полное смятение: «Ваша задача —

единственно, употребить банкноты в дело. Расходите по своему усмотрению; отчет давать не придется. Будьте внимательны и знайте, чем больше вы истратите, тем ближе будете к цели».

Некоторый свет на все происшедшее на лесной мызе проливают «индивидуальные собеседования» (с. 111) прибывшего из Западной Европы «монархиста» с латвийцами: «Он живо интересовался... обменными пунктами на границе с Россией, открытие которых тогда действительно обсуждали наши газеты». «Вопрос очень важный», — подчеркнул в разговоре «председатель».

Он просил сообщить латышской группе монархистов, что «центральное правление» желало бы, чтобы доверенные люди заполучили в свое распоряжение один или два обменных пункта, и как только таковые будут приобретены, немедленно сообщить «центру».

Среди «делегатов» был человек, ради которого и Гарьгриве приходилось рядиться в монархический мундир (с. 112). Это был некий Александров, бывший друг жандармского полковника-чекиста, ныне сотрудника Рижского полпредства. Новый знакомый Гарьгривы после завершения «конференции» собрался в Ригу, где, как выяснилось потом, жила его невеста.

Гарьгрива, в постоянном общении со своим новым знакомым, глубоко проникся его думами, интересами, глубоко проник в его душу, самые сокровенные оттенки которой позволили автору романа нарисовать симпатичный образ русского человека, глубоко верующего в свои идеалы, в то же время с симпатией относящегося к той новой, неизведанной им латышской культуре, латышскому быту, частицей которой волею судьбы он стал.

Духовная жизнь своего русского друга, рассказывает Гарьгрива, — пестрая мозаика по-детски религиозного монархиста, с присутствием модной неврастении и мистического обожествления прошлого. Именно эта последняя, до того времени Гарьгриве совершенно непонятная черта характера своего нового друга была той, которая привлекала и удивляла в новом знакомом. Правда, автор романа оговаривается: возможно их большая дружба коренилась в том обстоятельстве, что у латышского повествователя, кроме Ивонны, не было никого, кого бы он смог назвать своим другом. Характер поступков русского приезжего «мигранта», поразивших нового латышского зна-

когого, заключался в следующем.

Осенью, «когда наступали ветреные и дождливые вечера» (с. 112), Гарьгрива и Александров вдвоем часто блуждали по рижским улицам. «На самом деле, — уточняет рассказчик, — это были наблюдения, ведь с этим словом связана определенная бесцельность. Наши походы, наоборот, всегда были с определенными целями: Александров меня вел посмотреть какой-либо исторический дом или улицу. Оставалось только удивляться, сколь много он знал таких исторических мест». «Днями, — рассказывает далее Гарьгрива, — он по большей части просиживал в старейших библиотеках города, а по вечерам мы осматривали вновь открытые реликвии, причем по дороге он живо и увлекательно рассказывал об их истории. Слушая ее, казалось, что Рига, которая мне представлялась весьма обыденной и прозаической, полна

прославленных памятников древности и поэтических теней прошедших времен. Так мне, латышу, инородец показал Ригу в исторической перспективе, и в конце концов приходилось соглашаться с тем, что Рига, в известной мере, может быть, превосходит такое собрание древних реликвий, как Париж».

Продолжение романа выдержано в стиле приключенческих повествований. «Выполняя задание» Ивонны, (с. 113–115), Гарьгрива заманивает своего друга в притон кокаинистов еще более «высокого» уровня, где тот видит, как насилуют... его невесту. Это месть Ивонны. Александров кончает жизнь самоубийством, но и Ивонне после этого преступления несдобровать (с. 125). Увезенный для «рассеяния» в Швейцарию во время очередной прогулки по горам, Гарьгрива сталкивает свою прежнюю любовь в ущелье.

